

14. Хисамутдинова Р. Р. Голод 1946-1947 гг. в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 2000-е годы) // Отечественная история. 2009. № 6. С. 335.

15. Graziosi A. The Soviet 1931 – 1933 Famines and the Ukrainian Holodomor: Is a New Interpretation Possible? And What Would Its Consequences Be? // Hunger by design: the great Ukrainian famine and its Soviet context. Cambridge. 2008. P. 1 – 19.

УДК

372.893+371.64/.69

ББК 4426.632-268.2 ГСНТИ 03.09.55 Код ВАК 07.00.03

В.Н. Земцов

Екатеринбург

**ИСТОРИЯ РОССИИ КАК ЧАСТЬ МИРОВОЙ
ИСТОРИИ? О КОНЦЕПЦИИ «ЕДИНОЙ ЛИНИИ»
УЧЕБНИКОВ ПО ИСТОРИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: единый учебник по истории, концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, всеобщая история и отечественная история

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается уровень и глубина соотнесения проблем отечественной истории с историей всеобщей в рамках концепции нового учебно-методического комплекса по истории России. Автор приходит к выводу об отсутствии должного понимания у авторов концепции значимости и сложности проблемы и делает неутешительный прогноз по поводу последствий этого для отечественного исторического образовательного и российского научного пространства.

V.N. Zemtsov

Yekaterinburg

**HISTORY OF RUSSIA AS PART OF WORLD
HISTORY? THE CONCEPT OF “SINGLE LINE” OF
HISTORY TEXTBOOKS**

KEY WORDS: single textbook on the history, the concept of a new educational complex national history, general history and national history.

ABSTRACT. The article examines the level and depth of the problems of relating national history with general history within the concept of a new educational complex on the history of Russia. The author comes to the conclusion that the absence of a proper understanding of the authors of the significance and complexity of the concept of the problem and makes a disappointing outlook about the implications for national historical educational and scientific space.

В феврале 2013 г. президент РФ В.В. Путин инициировал работу по созданию «единого учебника по истории». Очевидно, что руководство страны, предлагая избавиться учебник «от двойных толкований», имело в виду, прежде всего, подготовку учебника («линии учебников») по истории России. Однако вскоре стало очевидным, что появление такого учебника с неизбежностью ставит вопрос о разработке новых пособий и по всемирной (всеобщей) истории, тем более, что руководителем рабочей группы по созданию «Историко-культурного стандарта» был назначен директор ИВИ РАН академик А.О. Чубарьян.

Действительно, в перечне задач концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории (1) заявлено о необходимости «показать историю России как неотъемлемую часть мирового исторического процесса», а «при подготовке текстов соответствующей линейки школьных учебников» необходимо «обратить внимание на события и процессы всеобщей истории в части синхронизации российского исторического процесса с общемировым» (1. С. 3, 5). Более того, разработчики концепции заявили о том, что важная мировоззренческая задача курса заключается в раскрытии как своеобразия и неповторимости российской истории, так и ее связи с ведущими процессами мировой истории. Это достигается **с помощью синхронизации курсов истории России и всеобщей истории** (выделено в документе – В.3.), сопоставлением ключевых событий и процессов российской и мировой истории, введения в содержание образования элементов компаративных характеристик. А для истории Нового и Новейшего времени, когда Россия стала активным субъектом мировой истории, раскрытие ее контактов и взаимодействий с другими странами во всех сферах – от

экономики и политики до культуры, приобретает особое значение» (1. С. 5).

Столь разумные и ориентированные на перспективные общемировые процессы заявления не могут не вызывать одобрения со стороны научной и педагогической общественности. Однако обращение к основному тексту концепции оставляет достаточно противоречивое впечатление и не может не вызвать ряд вопросов.

В Разделе I разработчики предлагают рассмотреть длительный исторический период от заселения территории «нашей страны человеком» в эпоху каменного века до формирования единого Русского государства в XV в. В этом разделе, как считаем, «евразийский контекст» представлен достаточно традиционно и убедительно (ученику предложено познакомиться с процессом полигенеза в странах Европы, отметить роль византийского наследия в истории Древней Руси, рассмотреть внешнюю политику Руси в рамках общих евразийских процессов и даже обратиться к материалу о «народах и государствах Евразии в XII-XV вв.»), и, казалось бы, не должен вызывать споров. Однако в перечне «трудных вопросов истории России» мы с удивлением обнаруживаем следующий вопрос: «1. Образование Древнерусского государства и роль варягов в этом процессе» (1. С. 65). Другими словами, авторы концепции предлагают снова усомниться в давно доказанном факте значительной роли варяжского элемента в создании Древнерусского государства. Дескать, высказывали некоторые историки такое суждение, но так ли все это на самом деле, до сих пор не известно. Может, и не было никаких норманнов, а восточные славяне сами без участия заморских пришельцев создали государственность.

В преамбуле ко II разделу (Россия в XVI – XVII вв.: от великого княжества к царству) утверждается, что в процессе формирования единого государства «Россия двигалась в общем русле исторического развития с рядом европейских стран, в частности, Англией, Францией и Испанией, где на рубеже XV-XVI вв. также завершился процесс формирования единых национальных государств, пришедших на смену периоду раздробленности» (1. С. 18). Данный тезис, предложенный

рабочей группой под руководством А. О. Чубарьяна, не может не удивлять: либо среди участников этой группы нет историков-зарубежников (что маловероятно), либо они совсем слабо представляют особенности отечественной истории. Если хронологически процессы создания «единых национальных государств» в Западной Европе и в России совпадают, то в отношении сути и факторов, предопределивших эти процессы, они в значительной степени различные. Более того, они различны даже при сопоставлении того, как эти процессы протекали во Франции и Англии, с одной стороны, и в Испании – с другой.

Точно такие же возражения, соединенные с недоумением, вызывает тезис о схожести процессов, связанных «с параллельным развитием абсолютистских тенденций и ростом политического значения органов сословного представительства» в XVI-XVII вв. во Франции, Англии и Испании, с одной стороны, и в России – с другой (1. С. 18). Неужели авторы концепции всерьез готовы уравнивать прерогативы и роль Земских соборов с парламентами, генеральными штатами и кортесами в трех западноевропейских странах? Если это действительно так, то следует либо усомниться в профессиональной квалификации этих авторов, либо признать их чрезмерную политическую ангажированность, которая несовместима с подлинной наукой.

В преамбуле ко II разделу делается неуклюжая попытка объяснить причины отставания России от «великих морских держав эпохи». Эти причины, как можно понять, сводятся к «противоречивости» правления Ивана IV, к влиянию событий Смуты (в этом плане оказалось уже хорошо то, что авторы тезис о вмешательстве «во внутренние дела сопредельных государств (в первую очередь – Речи Посполитой)» не обозначили как главный, а то и единственный), благодаря которым Россия оказалась отрезанной «от океанских торговых путей» (1. С. 19).

Но наибольшее удивление вызывает пассаж, связанный с проблемой крепостного права: «Получила продолжение, завершившаяся в XVI в. тенденция к полному закреплению крестьян, завершенная принятием в 1649 г. «Соборного Уложения» (ставшего почти на два столетия основой

российского законодательства). Пути социального развития России вполне совпадали с процессами, имевшими место в других странах Восточной Европы (Германские земли, Речь Посполитая), где в это время происходило укрепление крепостнических порядков» (1. С. 19-20). Дело в том, что в Восточной Европе, а именно в германских землях и, частично, Речи Посполитой, начался процесс «второго издания крепостничества», ставший оборотной стороной процесса развития товарно-денежных отношений и формирования буржуазного уклада. Этот процесс в принципе отличался от того, что происходило в России, где в середине XVII в. крепостное право только лишь окончательно было установлено как элемент феодального уклада.

Несмотря на провозглашенный авторами принцип последовательного «сопоставления ключевых событий и процессов российской и мировой истории», в III, IV и V разделах концепции это прослеживается еще слабее, чем в I и II. Так, к примеру, вся эпоха наполеоновских войн, в которой наша страна сыграла отнюдь не последнюю роль, свелась к Отечественной войне 1812 г. и заграничным походам. Причем, в преамбуле IV раздела заявляется, что «после победы в Отечественной войне 1812 года Россия **окончательно** (выделено мной – В.З.) стала ведущим игроком на европейской арене» (1. С. 32). Хочется спросить: что понимать под словом «окончательно», и была ли Россия к 1812 г. ведущим игроком на европейской арене? Мы согласны, что Россия **была одним из ведущих** акторов в европейской международной системе XVIII в. После войны 1812 г. и (это особенно важно!) войн 1813-1814 гг. – на долгое время, вплоть до революций 1848-1849 гг., стала **ключевым** игроком.

Однако все эти хитроумные «неточности» и явные «ошибки» меркнут перед суждениями, связанными с внешней политикой сталинского времени. Так, применительно к 1920-1930-м гг. ничего не сказано о двойственности внешней политики нашего государства, о деятельности Коминтерна, руководимого Москвой и призванного организовать мировую коммунистическую революцию. Не может не вызвать у профессионального историка улыбку и упоминание о

«советских добровольцах» в Испании и Китае этого времени (1. С. 47).

В тексте упомянут советско-германский договор о ненападении (надо полагать, имеется в виду пакт от 23 августа 1939 г.), но умалчивается о Договоре о дружбе и границе от 28 сентября того же года, а также о секретных и дополнительных протоколах, ставших предметом острых политических и научных дискуссий на протяжении многих десятилетий. Следующие за этим два тезиса («Присоединение к СССР Латвии, Литвы и Эстонии; Бессарабии, Северной Буковины, Западной Украины и Западной Белоруссии. «Зимняя война» с Финляндией), на первый взгляд, говорят о стремлении авторов концепции «обойти острые углы». В действительности за этим скрывается намерение «подлакировать» прошлое, отказавшись тем самым от его трагических уроков.

Раздел VII начинается с утверждения, что Великая Отечественная война «явилась важнейшей частью Второй мировой войны». Это споров не вызывает. Но вот следующая фраза выдает авторов концепции и ее заказчиков с головой: «СССР вступил во Вторую мировую войну 22 июня 1941 г., после вторжения Германии на его территорию» (1. С. 48). Вопрос о том, когда именно СССР вступил во Вторую мировую войну и, более того, когда именно Вторая мировая война началась, составляет предмет серьезных споров в отечественной и мировой историографии. Однако Концепция решает эту все еще не разрешенную задачу одним категорическим и совершенно необоснованным заявлением. Вместо того, чтобы сориентировать учителя и ученика на творческий поиск, который должен привести не к зазубриванию утверждений катехизиса, но к осознанному выбору точки зрения, авторы Концепции отсекают такую возможность априори.

Дальнейшие разделы текста концепции, вопреки изначальным заявлениям о готовности «вписать» российскую историю в мировой контекст ограничиваются, в лучшем случае, беглыми внешнеполитическими сюжетами, относящимися к послевоенному СССР и современной России. В последнем случае не может не восхищать тезис о проведении в августе 2008 г. «операции по принуждению к миру» (1. С. 64).

Очевидно, что появление «единой линейки» учебников по отечественной истории будет дополнено (именно – дополнено!) «единой линейкой» учебников по истории зарубежной. Получается, что не мы «вписываем» себя в мировой исторический контекст, но мир, многотысячелетняя история мировых цивилизаций, будет приравниваться к «нашему» (под «нашим» следует понимать заказанную и утвержденную Кремлем официальную трактовку истории государства) представлению о себе.

Между тем, в исторической науке, в том числе и отечественной, занимающейся изучением мировых исторических процессов, в последние 10-15 лет наметился значительный прогресс, как в плане совершенствования методологических подходов, так и в отношении убедительного разрешения целого ряда ключевых дискуссионных проблем. Это, в частности, нашло отражение в появлении такого издания, как «Всемирная история» в 6-и томах (вышли первые 4 тома), подготовленного, кстати сказать, в том самом Институте всеобщей истории, который возглавляет академик А.О. Чубарьян. Историки, как зарубежные, так и отечественные, отвечая на императивы времени, энергично работают над поиском понимания и презентации того, что сегодня принято называть «глобальной историей». Уверен, что и в изучении прошлого России за те же 10-15 лет произошли перемены, вполне сопоставимые с тем, что делают отечественные историки-зарубежники. С полным основанием могу заявить, что отечественная историческая наука успешно входит в мировое научное пространство.

Столь необычная ситуация, связанная с подготовкой в нашей стране «единой линейки» учебников по истории не может не привести ко множеству коллизий, которые будут сводиться к следующим моментам:

1. Обозначится и будет углубляться разрыв между академической и вузовской исторической наукой, с одной стороны, и школьными курсами – с другой. Убедительные успехи, достигнутые в последние 10-15 лет по преодолению этого разрыва, будут перечеркнуты. 2. Единый учебник отечественной истории, несмотря на заявления властей и его

разработчиков, резко ограничит возможности в плане формирования в школе и вузе самостоятельно и творчески мыслящих личностей. Школьники и студенты будут ориентироваться на «утвержденный сверху» «правильный» взгляд на мировую и отечественную историю. 3. Не только школа, но также академическая и вузовская историческая наука будут развернуты к казенно-патриотическому обслуживанию властных институтов, что приведет к резкому сокращению творческой активности в изучении ключевых проблем гуманитарной сферы. 4. Отказ в курсах истории от обсуждения «неудобных» вопросов, ориентация на замалчивание трагических уроков прошлого, откровенное искажение сути процессов мировой истории неизбежно отбросит общественное сознание страны на уровень советского времени.

Источники:

1. Концепция нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории // Менеджер образования: портал информационной поддержки руководителей образовательных учреждений URL: <http://www.menobr.ru/upload/muzruk/2012/2013.09.27.pdf>

УДК

372.893(470/571)+371.64/.69

ББК 4426.632-268.2

**ГСНТИ
03.01.45**

**Код ВАК
13.00.02**

Г.А. Кругликова

Екатеринбург

**ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В
СОВРЕМЕННЫХ КУРСАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурное наследие, государственная культурная политика, реформа образования.

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрен опыт строительства советской культуры после Великой Октябрьской социалистической революции. Осмысление данного опыта и отражение его в учебниках по отечественной истории будет способствовать реализации мировоззренческого потенциала школьной истории.